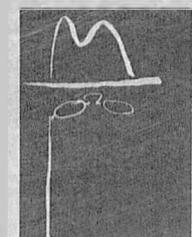

Американцы как они есть

Чеховский фестиваль. Три спектакля Репертуарного театра США

Кучельтура. - 1998. - 9-15 окт. - с. 12

Если финский театр лишил нас в этом году удовольствия увидеть "Макбета" Камы Гинкаса, то американский — почел для себя за честь открыть фестиваль. Одно это уже было приятно. Американский Репертуарный театр (АРТ) привез в Москву три лучшие, хотя и не новые работы, уже прокатанные на международных фестивалях, уже удостоенные различных премий и высоких оценок в американской прессе. Зная пристрастие его руководителя, режиссера и знаменитого педагога Роберта Брустина системе Станиславского, мы надеялись понять друг друга с полуслова. Но достаточно было полувзгляда, чтобы почувствовать, какие мы разные. Сходны, пожалуй, мы только в одном — в том, как искренне присягаем Станиславскому, ища в нем опору в борьбе с современными театральными бедами, и в том, что, пропуская его идеи через голову, а не сердце, следуя его букве, а не актерскому духу, создаем в итоге спектакли, может быть, правильные теоретически, но не потрясающие воображения.

Лицо АРТ симпатично. Американские актеры милы, свободны, простодушны, как дети. Подобно Нине Заречной, играют с наслаждением, с восторгом, пьянеют на сцене и чувствуют себя прекрасными. Умеют не все, но полное влечение, что чего-то избегают сознательно. Философские глубины огибают, как омут, страданий и слез стыдятся. Зато знают точно, что должны непременно быть поняты своим зрителем и стремятся быть как можно демократичнее.

Эта другая природа отношений искусства и жизни, другой менталитет, другая система привычек и ожиданий стали ясны уже на первом спектакле фестиваля. Надо сказать, в этот вечер американская публика "сделала" публику русскую. Она воочию нам продемонстрировала, что это искусство ей понятно, приятно и необходимо. Нам же осталось мучительно вспоминать, а так ли уж смешна пьеса Л.Пиранделло "Шесть персонажей в поисках автора". Нам,

среди которых было немало поклонников версии этой пьесы, сделанной А.Васильевым, даже газета "Лос-Анджелес Таймс" не могла доказать, что лучший вариант постановки Пиранделло трудно себе представить. Нам в этот вечер известная пьеса напоминала, по выражению Станиславского, дорогой рояль, употребляемый для ссыпки овса.

"Шесть персонажей в поисках автора" Р.Брустин понял как комедию и детектив. Играли, конечно, не Пиранделло, а скорее, "Шум за сценой": невероятное эксцентрическое событие в репетиционном зале АРТ, куда вломилась некие люди в черном, выдуманные герои никому не известного автора, и наивно пытались доказать, что они живее всех живых актеров на сцене. Пролог к спектаклю (сбор актеров на репетицию), решенный в духе студенческих этюдов и капутников, стал не просто сценой самодостаточной, но самодовлеющей, определившей и интонацию, и сверхзадачу всего действия. Шесть персонажей в поисках автора, который бы дописал их историю до конца, разыгрывали душераздирающую итальянскую мелодраму с легким неореалистическим налетом. Актеры, к которым эти персонажи явились, в основном отделялись от них шутками типа: "Если вы туристы, то вам на Красную площадь, вниз по улице", "У нас невозможно столько перемен декораций, мы вам не Большой театр", "Он перепил за обедом "Смирнова" и т.д.

У Пиранделло люди делали вид, что они серьезны, рассуждали о том, что театр — это и есть настоящая жизнь, что это великая иллюзия, которую раз и навсегда можно спутать с реальностью, и вырваться из сладостного плена тогда уж невозможно. У Брустина актеры изображали, что появились в театре героев из недописанной пьесы никого не удивляет, потому что в театре, этом бедламе, этом сумасшедшем доме, возможны любые фокусы. Два финальных фокуса, впрочем, достигали цели, напомнив, что перед нами

Сцена из спектакля "Король-олень" К.Гоцци

все-таки Пиранделло-философ. Когда кто-то из актеров убрал со сцены клеенку, недавно изображавшую озеро, он вдруг по-настоящему замочил руки. А когда в самом конце, дословно повторявшем начало, шесть персонажей произнесли свои первые реплики и вдруг рухнули ничком на сцену, зритель с некоторым даже мистическим ужасом не сразу понял, что это не живые люди, а их фанерные муляжи. В остальном в недрах АРТ ничего не произошло: ну кто приходил, ну кто-то съел что-нибудь, ну кто-то вздремнул и увидел странный сон. Больше всего прощавшихся актеров, кажется, волновало, что сорвалась репетиция "Короля-олень" и они так и не

договорились о том, чего же от них хочет режиссер А.Щербан (это тоже была шутка, муссировавшаяся на протяжении всего спектакля).

Чего хочет А.Щербан, режиссер, уже всколыхнувший несколько лет назад Москву своим жизнерадостным "Вишневым садом", стало ясно через несколько дней, когда мы увидели его версию "Короля-олень" К.Гоцци. На сцене рождалась увлекательная сказка из причудливой эклектичной смеси разнородных по сути театральным систем. Китайщина мешалась с итальянщиной, европейские танцевальные па — с движениями восточных единоборств, пластические элементы традиционного японского театра — с приемами

дель арте. Актеры изящно работали с масками и куклами, тростевыми и теневыми.

Все это жило на сцене в природном согласии и гармонии, и смех, разбиравший детей и их родителей, был совершенно понятен.

Третий спектакль АРТ играл на Малой сцене. Не знакомая русскому зрителю пьеса С.Шелларда "Когда весь мир был зеленым" оказалась еще одной прелестной вариацией на вечную тему — человеческое одиночество. Это была история на двоих, волею обстоятельств проживших не ту жизнь, о которой мечтали, но все-таки встретившихся и, значит, осененных крылом милосердия. Это бы-

ла история старого повара-гурмана, почитавшего свою профессию искусством, но предавшего ее во имя нелепейшей родовой мести. И это была история девочки, которая ищет отца. Текст Шелларда был полон поэзии и музыки, не случайно игру актеров — Элвин Эпштайн и Эми Квигли — комментировал Вуди Риган. Рассказывая о людях, которые постепенно возвращают себе вкус к жизни, драматург сделал ставку на детали. И мы оценили даже то, что было невидимо, но значимо: как исходит соком золотистое манго, как лежат очки на скатерти, которую шевелит ветер, как двигается острый кадык человека, когда он жадно пьет ледяную воду. Правда простых, естественных вещей загромождена. Гуманистический пафос бесспорен. Однако нельзя не согласиться и с М.Рощиным, который первым сказал, что смотреть этот спектакль было скучно. Думаю, что и в случае с Шеллардом, и в случае с Пиранделло причину этой скуки следует искать в режиссуре. Роберт Брустин, не раскрыв смысла пьесы, нагрузил спектакль эффектными и смешными приемами. Джозеф Чайкин, до тонкости понимая пьесу Шелларда, не нашел для нее ритмико-пластического эквивалента: в спектакле было мало действия, мало личностной актерской значительности, одна только читка.

Дирекция Чеховского фестиваля, привезя АРТ впервые в Россию, пообещала нам встречу с Событием. Встреча состоялась. Художественного эффекта, правда, не получилось, но наблюдения научно-познавательного толка вышли любопытные. Одни из нас потешили свои патристические чувства, поняв, что их любовь к родному пепелищу осталась непоколебленной. Другие, прикипевшие к отеческим гробам, утешали себя мыслью, что кризис режиссуры конца тысячелетия не есть одна лишь наша выдумка.

Наталья КАЗЬМИНА